

Т.П. Буслакова

«Родная земля» (1961)

Эпиграф (две последние строчки из стихотворения «Не с теми я, кто бросил землю...») возвращает к событиям и настроениям сорокалетней давности. Вспоминая снова «тех, кто бросил землю», лирическая героиня полемизирует с тем, как эмигранты определяли причины отъезда. Постоянным для них было возвышение своего выбора как отказа от родины ради свободы.

В том же 1961 году в Париже вышла книга одного из «младших» акмеистов — Г. Адамовича «Вклад русской эмиграции в мировую культуру». В эмиграции Адамович стал главой «парижской школы» русских поэтов, одним из наиболее известных критиков. Сравнивая литературный процесс в России и зарубежье, он писал:

«У нас в эмиграции талантов, конечно, не больше. Но у нас осталась неприкосновенной личная творческая ответственность — животворящее условие всякого духовного созидания, — у нас осталось право выбора, сомнения и искания, и поэтому в некоторых областях нам в самом деле суждено было представлять ту Россию, голос которой на родной земле был в течение сорока с лишним лет заглушен».

Лирическая героиня Ахматовой, напротив, понимает свободу как ощущение единства с народом и страной. Для нее родина «ни в чем не замешана», не виновата в бедствиях людей, сама «немотствует» вместе с ними. Свобода поэта неразрывна с чувством долга: он может писать «О ней стихи», только видя происходящее изнутри. Для подтверждения своей мысли автор использует целый ряд реминисценций из классических образцов русской гражданской и патриотической лирики. Композиционное построение стихотворения аналогично лермонтовской «Родине» (1841). Первое восьмистишие Ахматовой, как и начальная строфа у Лермонтова, посвящена опровержению привычного понимания патриотизма:

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не берedit,
Не кажется обетованным раем...

Здесь живут, «хвоя, бедствуя», отдыхая от забот в «горьком сне», не веря иллюзиям, «не вспоминая даже» о родной земле. Лирическую героиню, как и весь народ, с которым она чувствует свое единство («мы»), сроднила с ней будничная реальность, сама жизнь:

Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах...

Реалистическая конкретика образа России вызывает ассоциации с лирикой Некрасова. Впечатление усиливают ритмические переключки: использование шестистопных строчек в вольном ямбе первого восьмистишия Ахматовой заставляет вспомнить некрасовские «Родину» (1846) и «Элегию» (1874), в которой в свою очередь видны пушкинские реминисценции (прежде всего, из «Деревни», 1819). Аналогия с трагическим пафосом «Элегии» важна для понимания того, как у Ахматовой воплощается тема поэзии. Сходно с Некрасовым, жизнь поэта у нее предстает битвой за «достойные» идеалы народного счастья. Художник обязан разделить судьбу своей страны, не мысля делать ее «в душе своей// Предметом купли и продажи». Снова его «неподкупный голос» должен стать «эхом... народа»:

Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

(А.С. Пушкин. «К Н.Я. Плюсковой», 1818)

Ахматовский «гимн простой», построенный на «не сочиненных» образах (их реальность подчеркивалась междометием «да» в девятой и десятой строчках), заканчивался философским обобщением. Тринадцатая строчка начиналась союзом «но», так как заключительная мысль по своему возвышенному тону противоречила намеренной сниженности предшествующих деталей. Лирическая разработка образа «родной земли» придала особую пронзительность утверждению правоты тех, кто не «бросил» страну, чтобы «стать» ее историей:

Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своею.

Смысловая многоплановость подчеркнута ритмической полиметрией. Первые восемь строчек, в которых обрисовывается «странная любовь» к отчизне (Лермонтов, «Родина»), написаны вольным ямбом. Его сменяет трехстопный анапест в четверостишии, в котором от отрицания привычных примет патриотизма («Не носим на груди», «не сочиняем», «не вспоминаем даже») лирическая героиня переходит к характеристике важных для нее черт «родной земли» («Да, для нас это...»). Заключительное двустишие (четырёхстопный анапест) — смысловая вершина стихотворения, резко отличающаяся по интонации. Такой интонационный перепад отличает и ряд стихотворений Некрасова («Что ни год — уменьшаются силы...», 1861; «Надрывается сердце от муки...», 1863), в которых поэт, «оглушенный» звуками «Барабанов, цепей, топора», только силой лирического «провидения» представлял «весну золотую» над «отчизной», где бы

...в просторе свободы
Все в гармонию жизни слилось...

{«Надрывается сердце от муки...»}

Столетие спустя Ахматова, отвергая такой уход от реальности, находила внутри нее основания для возвышения человека. Эпоха, сделавшая современников поэта «бесслезней, //Надменнее и проще», проявила их силу духа. Не ожидая «обетованного рая», награды, просветления, сознавая, что все смешается в «прахе» истории, они не поэтизируют свою судьбу, не сетуют, не сочиняют о ней «стихи навзрыд», а находят высшее проявление свободы в самоотверженности, видя свое достоинство в том, чтобы назвать «своею» «родную землю».